

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ / 5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2026. Т. 57. С. 74–86

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 322

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.74>

Государственно-конфессиональные отношения в Татарской АССР в годы перестройки (1985–1989 гг.)

В. П. Козлов*

*Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
г. Казань, Российская Федерация*

Аннотация. Прослеживается, как на протяжении 1985–1989 гг. в Татарской АССР постепенно перестраивались отношения между советским государством и религиозными объединениями. Выявляются региональные особенности трансформации конфессионального курса в одном из крупнейших полиэтнических субъектов РСФСР. Источниковой основой послужили документы двух фондов Государственного архива Республики Татарстан: фонда Татарского обкома КПСС (Ф. П-15) и фонда уполномоченного Совета по делам религий (Ф. Р-873). Сопоставление партийных материалов и отчетности уполномоченного обнаруживает устойчивое несоответствие между официальными сводками об успехах идеологической работы и той картиной религиозной жизни, которая была в поле зрения надзорного ведомства. Отрезок 1985–1987 гг. рассмотрен как самостоятельная фаза постепенного накопления предпосылок будущего перелома, тогда как период 1988–1989 гг. – как время резкой смены курса. В качестве отдельного маркера идеологических перемен использована эволюция оценок ислама в документах одних и тех же райкомов за два года. Показано, что поворот 1988–1989 гг. был результатом наложения двух линий обстоятельств – общесоюзных (курс на гласность, юбилей 1000-летия Крещения Руси, внешнеполитический фон) и региональных; среди последних особую роль сыграла подготовка к 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией, в которую оказались вовлечены и верующие, и национально-культурное движение, и часть партийно-хозяйственного руководства республики. Отдельно рассмотрены институциональная динамика возрождения и сопоставление мусульманской и православной траекторий: первая разворачивалась преимущественно через легализацию существовавших прежде нелегальных общин, вторая – через открытие новых приходов и возвращение храмов верующим. Сделан вывод, что региональная специфика возрождения во многом определялась тесной связью ислама с этнокультурным самосознанием татарского населения.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Татарская АССР, перестройка, государственный атеизм, ислам, этноконфессиональная идентичность.

Для цитирования: Козлов В. П. Государственно-конфессиональные отношения в Татарской АССР в годы перестройки (1985–1989 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2026. Т. 57. С. 74–86. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.74>

State-Confessional Relations in the Tatar ASSR during Perestroika (1985–1989)

V. P. Kozlov*

Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan, Russian Federation

Abstract. This article traces how state-confessional relations in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic were gradually reshaped between 1985 and 1989. The evidentiary base consists of two document collections held in the State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT): the papers of the Tatar Regional Committee of the CPSU (F.P-15) and those of the Council for Religious Affairs plenipotentiary (F.R-873). Reading party records alongside the documentation generated by the Council for Religious Affairs brings into view the deepening structural crisis of late-Soviet state atheism. A documented shift in the ways in which the same party bodies described Islam within a span of just two years is used as a gauge for the depth of the unfolding ideological transformation. The turning point of 1988–1989 appears to have emerged from the convergence of all-Union developments – glasnost, the Millennium of the Baptism of Rus' (1988), and foreign-policy considerations – with region-specific dynamics, above all the 1,100th anniversary of the adoption of Islam by Volga Bulgaria marked in 1989. The religious revival encompassed both Islamic and Orthodox communities, though their institutional trajectories and outward forms diverged in important respects. The article also suggests that the particular intensity of the revival in Tatarstan rested on the close link between Islam and Tatar ethnic and cultural identity.

Keywords: state-confessional relations, Tatar ASSR, perestroika, state atheism, Islam, ethno-confessional identity.

For citation: Kozlov V.P. State-Confessional Relations in the Tatar ASSR during Perestroika (1985–1989). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2026, vol. 57, pp. 74–86. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2026.57.74> (in Russian)

В позднем СССР управление религиозной сферой имело отчетливо вертикальный характер: директивы, вырабатывавшиеся в центре, спускались в регионы и корректировались с учетом местных условий. К середине 1980-х гг. прежний атеистический курс государства все чаще давал сбои. Контрольные органы и пропагандистская машина внешне функционировали по-прежнему, однако результативность их работы ощутимо падала; при этом повседневная обрядовая жизнь населения оставалась на удивление стабильной [1, с. 56–58].

Татарская АССР в ряду автономных республик РСФСР выделялась особыми чертами. У татарского населения приверженность исламу, а у русского – православию была неразрывна с этническим самосознанием, повседневной языковой средой и преданиями общей исторической судьбы [5]. Поэтому всякое вмешательство государства в конфессиональную жизнь одновременно затрагивало и сферу национального чувства, делая религиозную политику источником скрытого социального напряжения. Между тем начальный отрезок перестройки – 1985–1989 гг. – в его конфессиональном срезе на региональном материале исследован пока весьма фрагментарно. Внимание историков чаще всего сосредоточено либо на общесоюзном курсе как таковом, либо на эпохе, наступившей после октября 1990 г. и принятия союзного и российского законов о свободе совести. Промежуточная же фаза, когда

прежняя конструкция еще формально держалась, но ее основания уже разрушались, освещена в историографии значительно слабее соседних периодов.

Новизна настоящей работы связана с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, период 1985–1987 гг. рассматривается как самостоятельный: время постепенного накопления тех предпосылок, что вызвали последующий перелом. Далее, исследование строится на встречном прочтении двух документальных массивов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ) – партийного (Ф. П-15) и надзорного (Ф. Р-873); это дает возможность увидеть, насколько по-разному пропагандистская и учетно-административная оптики описывали одни и те же сюжеты. Наконец, смена оценочных характеристик ислама в отчетах одних и тех же райкомов берется как отдельный показатель идеологических сдвигов.

Историография и методология

Базовые теоретические подходы к изучению советских конфессиональных практик во многом сформированы западной историографией. Дж. Андерсон проследил, как был организован Совет по делам религий, и показал, по каким принципам строилась его текущая деятельность [10]. С. П. Рамет обратила внимание на то, что одна и та же нормативная основа в союзных республиках реализовывалась неодинаково – с поправкой на региональный контекст [13]. П. Фрёзе, исследовавший итоги ускоренной секуляризации, сделал вывод об уходе религиозного опыта в сферу частной жизни [11]. В. Смолкин в своей работе показала, что попытка советской власти создать самостоятельную светскую обрядность, способную заменить религиозную, в итоге оказалась несостоятельной [14]. С. Луерман обратилась к тому, каким образом сами механизмы учета и надзора формировали ту картину религиозности, что поступала в распоряжение государства [12].

Среди отечественных работ ключевое значение для понимания конфессиональной динамики в Татарстане имеет монография Р. А. Набиева. Ее главный вывод заключается в том, что подъем религиозной жизни в республике начал обнаруживать себя уже в последние десятилетия советской эпохи – задолго до институциональной ломки 1990-х гг. [6]. В этой работе сведен и проанализирован значительный пласт архивных и социологических материалов, что дает возможность целостно проследить движение от атеистической нормативности к постепенному возвращению религиозной активности в легальное поле. А. В. Малащенко причислял ситуацию в Татарстане к наиболее трудным для анализа именно в силу неразрывной связи конфессионального и национального начал [4]. Р. Н. Мусина, опираясь на данные полевых наблюдений и анкетных обследований, пришла к выводу, что для значительной части татар самоотождествление с исламом носило главным образом этнокультурный, а не собственно религиозный характер [5]. Р. Р. Ибрагимов обратился к вопросу о взаимоотношениях государства и конфессий в республике на протяжении 1940–80-х гг.; совместно с Ч. Х. Саматовой он рассмотрел и то, как на конфессиональный курс страны влияла внешнеполитическая деятельность советского руководства [3]. Д. В. Поспе-

ловский на документальном материале обосновал, что с приходом М. С. Горбачёва к высшему руководству прежние атеистические установки сами по себе еще не были пересмотрены [7, с. 384–386].

Исследования последних лет дают возможность с большей полнотой восстановить общую картину позднесоветских церковно-государственных отношений. В. А. Тулянов, опираясь на фонды РГАНИ и ГА РФ, проследил, как складывались контакты союзного руководства с Русской православной церковью в 1985–1987 гг., и определил этот отрезок как период «турбулентности» и расхождения позиций внутри партийно-государственного аппарата [8]; в отдельной работе он обратился к переломным событиям 1988 г.: встрече патриарха Пимена с М. С. Горбачёвым и принятию обновленного Устава РПЦ [9]. Е. Н. Ефремов на материалах соседней Марийской АССР пришел к заключению, что региональная линия в отношении РПЦ в 1985–1991 гг. формировалась, прежде всего, как ответ власти на усиливавшееся давление со стороны общества, а первые регистрации новых приходов были приурочены к юбилейным мероприятиям 1988 г. [2]. Близкие по характеру процессы разворачивались и в ряде других автономий Поволжья, хотя степень их изученности остается неравной. Собственно татарстанский сюжет 1985–1989 гг. по-прежнему представлен в отечественной историографии лишь отдельными публикациями, которые пока не сложились в самостоятельное исследовательское направление. Полиэтнические регионы Волго-Уралья в целом занимают периферийное положение в общем массиве работ, заметно уступая по степени разработанности общесоюзной тематике.

В теоретическом плане работа опирается на понимание советского атеизма как проекта, претендовавшего заменить религиозное мировоззрение последовательной системой светских смыслов [11; 14]. Кризис этого проекта проявлялся не только на организационном уровне: государство постепенно утрачивало монополию на выстраивание публичной идентичности граждан.

Источниковой основой исследования выступают материалы двух архивных фондов. В фонде П-15 ГА РТ (Татарский обком КПСС) отложились постановления и аналитические записки по вопросам атеистического воспитания, отчетные документы районных и городских комитетов партии о противодействии религиозным влияниям, а также организационная переписка, связанная с проведением юбилейных мероприятий 1988–1989 гг. Информативность данных отчетов как исторического источника имеет известные границы: вплоть до конца 1980-х гг. у партийных органов не было особых оснований стремиться к адекватному анализу конфессиональной ситуации, предпочтение отдавалось канцелярскому стилю описания «достижений» в идеологической работе. В фонде Р-873 ГА РТ (уполномоченный Совета по делам религий) сосредоточены квартальные и годовые отчеты, служебная переписка, документация о регистрации общин и материалы наблюдения за духовенством. Социологические показатели 1986–1987 гг. используются в настоящей работе в той форме, в какой они были введены в оборот Р. А. Набиевым [6] на основе документов ГА РТ; исходные анкетные массивы для работы оказались недоступны, а советская методология подобных обследований, как известно, систематически занижала уровень религиозности.

Позднесоветская модель государственного атеизма

К середине 1980-х гг. система государственного регулирования религиозной сферы держалась на трех взаимосвязанных составляющих. В нормативной плоскости это означало жесткие условия регистрации общин и недопустимость организованного религиозного обучения несовершеннолетних. Административный контур был представлен разветвленной сетью уполномоченных, занятых повседневным надзором. Идеологическую же составляющую обеспечивала атеистическая пропаганда, которая велась силами партийных органов, общественных организаций и средств массовой информации [10; 13; 14]. Наряду с этим неформально соблюдалось правило «достаточности»: имевшееся количество легальных религиозных обществ считалось приемлемым, а дальнейшее их увеличение было нежелательным [1, с. 56, 57]. За двадцать пять лет проведение такого курса привело к заметному уменьшению числа зарегистрированных объединений в масштабах всей страны: с 22 698 в 1961 г. до 15 036 в 1986 г. [1, с. 57].

По состоянию на начало 1986 г. на территории Татарской АССР официальный статус имели лишь 38 религиозных общин. 18 из них принадлежали к мусульманскому вероисповеданию, а 20 оставшихся охватывали православных, старообрядцев и верующих иных конфессий¹. Чтобы осознать масштаб произошедшей убыли, полезно привлечь ретроспективные сведения: в 1918 г. в границах, соответствующих нынешней территории республики, насчитывалось 229 православных храмов – к 1985 г. от них уцелело лишь 26 [6]. Проверка 1961 г. выявила 646 мусульманских общин, функционировавших без регистрации, и 366 служителей культа, действовавших вопреки государственному разрешению, притом что легальных мечетей в то время было всего 11. Эти показатели наглядно демонстрируют, насколько регистрационная политика не соответствовала подлинному размаху религиозной жизни.

Своеобразие конфессионального ландшафта республики состояло в том, что религиозная принадлежность была плотно вплетена в этнокультурный строй общества. И для верующих, и для самих партийных работников ислам выглядел не только «пережитком прошлого», но и потенциальным ресурсом национальной мобилизации. Именно это сцепление религиозного и национального планов и придавало конфессиональным процессам в ТАССР особую динамику [6].

Антирелигиозная политика 1985–1987 гг.

На старте перестройки сколько-нибудь заметной либерализации конфессионального курса еще не произошло. Новая редакция Программы КПСС, принятая XXVII съездом в 1986 г., сохраняла прежнюю установку на «распространение научно-атеистического мировоззрения для преодоления религиозных предрассудков», а саму религиозность определяла «как патологическое отклонение» [7, с. 384, 385]. Курировавший идеологический блок Секретариата ЦК КПСС Е. К. Лигачёв осенью 1985 г. публично упрекал ин-

¹ ГА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–8.

теллигенцию в «заигрывании с боженькой» [7, с. 385]. Территории с компактным проживанием мусульманского населения оказались в сфере действия отдельных указаний ЦК: постановлений от 18 августа и 21 октября 1986 г., предписывавших усилить противодействие исламскому влиянию².

Аппарат, обеспечивавший атеистическую работу в ТАССР, продолжал функционировать по прежним лекалам. На долю республиканской организации общества «Знание» приходилось проведение порядка десяти тысяч лекций антирелигиозного содержания³. При школах существовали кружки «Юный атеист»; к пропагандистской работе были подключены женсоветы (2066 организаций) и советы ветеранов (1867)⁴. В количественном выражении лекционная работа даже росла: если в 1985 г. было прочитано 3713 лекций, то к 1988 г. их число дошло до 4804⁵. Отлаженный ранее аппарат антирелигиозной пропаганды продолжал действовать и начал ощутимо слабеть лишь к концу 1980-х гг. Показательно, что в 1988 г. в Казани был издан сборник «Перестройка и преодоление религиозных предрассудков». Сам факт его выхода опосредованно указывал на то, что прежние принципы работы с конфессиональной сферой перестали соответствовать изменившейся обстановке⁶.

Параллельно внутри самого партийного аппарата все более отчетливо осознавалась неэффективность прежних подходов. Во внутренних аналитических справках напрямую говорилось, что «существующая ныне система атеистической пропаганды безнадежно отстала от жизни и нуждается в коренной перестройке»⁷. В отчетных материалах уполномоченного фигурировали коллективные молитвы мусульман в селах, где никаких легально действовавших мечетей не существовало; подобные факты регулярно отражались в квартальных сводках, однако карательных последствий, как правило, не имели⁸. Остановить подобные собрания без прямого силового вмешательства, ставшего к концу 1980-х гг. политически невозможным, государство уже не могло.

Данные социологических замеров 1986–1987 гг., сведенные Р. А. Набиевым [6], обнаруживали серьезный зазор между идеологической доктриной и действительным мировоззренческим состоянием жителей республики: 43 % участников опроса признали, что верят в Аллаха; 56,7 % членов КПСС называли религию явлением нейтральным, не несущим ни вреда, ни пользы; каждый третий опрошенный считал атеистическую работу ненужной. Особенно знаковым представляется наблюдение: «практически ни один коммунист не смог изложить требования Устава КПСС к членам партии в отношении религии»⁹. Устойчивость обрядовой практики подтверждают и ведомственные

² ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 125. Л. 93.

³ Там же. Оп. 14. Д. 401. Л. 95.

⁴ Там же. Оп. 15. Д. 264. Л. 51.

⁵ Там же. Д. 933. Л. 17.

⁶ Перестройка и преодоление религиозных предрассудков. Казань, 1988. 160 с.

⁷ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 14. Д. 401. Л. 214.

⁸ Там же. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 148. Л. 11–12.

⁹ Там же. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 933. Л. 32, 35, 57.

учетные материалы: за один только 1987 г. в пределах 38 действовавших общин было зафиксировано более 332 обращений по ритуальным поводам¹⁰.

Перелом 1988–1989 гг.

Поворот в конфессиональной политике начал обозначаться в 1988 г. Официальное празднование тысячелетия Крещения Руси оказалось в этом смысле своего рода прецедентом: впервые за много десятилетий религиозное наследие было представлено как элемент общенациональной исторической традиции [10; 14]. На союзном уровне рубежным событием стала встреча патриарха Пимена и М. С. Горбачёва 29 апреля 1988 г.; именно она обозначила переход к новому курсу в отношении РПЦ и открыла путь к отмене ряда ведомственных актов, ограничивавших ее работу [9]. В ту же сторону действовал и внешнеполитический расчет: советское руководство, искавшее точки соприкосновения с Западом, демонстрировало послабления в религиозной сфере, в частности, путем включения духовенства в состав дипломатических делегаций [3].

Торжества по случаю тысячелетия Крещения Руси отразились и на православной жизни республики. 21 июня 1988 г. в Казани, в зале Татарского государственного театра оперы и балета им. М. Джалиля, прошло торжественное собрание, на котором присутствовали духовенство и актив православных приходов Татарской и Марийской АССР. Принятый Поместным собором РПЦ 8 июня 1988 г. новый Устав об управлении допускал избрание настоятеля председателем приходского совета. Фактически это означало возвращение священнослужителям административных рычагов в пределах прихода. В ТАССР указанная норма заработала без промедления: уже в 1988 г. в православных общинах Елабуги и Мензелинска председателями приходских советов стали священники¹¹. Обращало на себя внимание и омоложение православного клира: в общинах РПЦ на территории ТАССР 40 % клириков были моложе 40 лет¹². Красноречива в этом отношении и динамика казанской старообрядческой общины: если на пасхальной службе 1986 г. собралось не более 40 верующих, то в 1987 г., с приходом молодого священника, число молящихся перешагнуло отметку в 200¹³. Условия для перелома, стало быть, вызревали в обеих ведущих конфессиональных средах республики, хотя процесс этот шел с разной скоростью.

В случае Татарской АССР самостоятельным катализатором перемен выступила подготовка к юбилею – 1100-летию принятия ислама Волжской Булгарией (1989 г.). В этой работе прямо участвовали обком и Казанский горком КПСС¹⁴. Торжественное заседание состоялось 24 августа 1989 г. в Татарском академическом театре им. Г. Камала. Присутствие там партийного руководства – того самого, что лишь за несколько лет до этого решительно пресека-

¹⁰ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 771. Л. 23.

¹¹ Там же. Оп. 14. Д. 935. Л. 25.

¹² Там же. Д. 403. Л. 58.

¹³ Там же. Д. 264. Л. 31.

¹⁴ Там же. Оп. 15. Д. 2027. Л. 12.

ло всякие проявления религиозности, – ясно указывает, насколько к этому моменту изменилось общественное положение ислама в республике.

Идеологический поворот ярче всего прослеживается, если свести между собой документы одних и тех же районных комитетов партии. В отчетной документации одного из райкомов за 1987 г. ислам был назван «наиболее коварной религией»¹⁵. Уже через два года тот же райком отзывался об исламе как о «наиболее прогрессирующей религии» и декларировал намерение «использовать духовные и нравственные ценности религии» в повседневной работе с населением¹⁶. Подобная стремительная перемена языка в бумагах одного и того же ведомства показательна сама по себе и дает представление о размахе происходивших сдвигов.

Первый секретарь Татарского обкома Г. И. Усманов публично констатировал, что прежний курс строился «из тезиса об отсутствии социальных корней религии в советском обществе» и ставил своей целью «искусственно, механически сократить количество религиозных объединений»¹⁷. Руководители ряда крупных предприятий начали направлять средства в поддержку религиозных общин¹⁸. В мае 1989 г. прошла конференция «Свобода совести в СССР: социальные гарантии», на которой служители культа выступали уже в качестве равноправных участников обсуждения, – картина, вообразить которую двумя годами раньше было попросту невозможно¹⁹.

Институциональная динамика и социальный профиль возрождения

О скорости перемен наглядно свидетельствуют цифровые показатели. В сравнении с 38 зарегистрированными объединениями, учтенными на начало 1986 г. (включая 18 мусульманских), за один только 1989 г. официальный статус получили еще 16 мусульманских и 10 православных общин, так что в сумме их число выросло до 65²⁰. К 1990 г., по оценкам Р. А. Набиева, в республике действовало уже 224 религиозные организации, из них 154 составляли мусульманские общины [6]. Прирост мусульманских объединений объяснялся не столько формированием новых групп верующих, сколько выходом в легальную плоскость тех общин, что существовали и прежде.

Похожие по направленности, но менее стремительные процессы разворачивались и в православной среде. Казанско-Марийская епархия РПЦ, в которую входили приходы Татарстана и Марий Эл, к 1988 г. насчитывала всего 26 общин; 15 из них располагались на территории ТАССР, а в самой Казани функционировали три храма. К исходу 1989 г. количество православных общин в республике увеличилось до 29, а к 1990 г. дошло до 60²¹. Одним из заметных событий стало возвращение в 1989 г. Петропавловского

¹⁵ ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 771. Л. 23.

¹⁶ Там же. Д. 1416. Л. 27; Д. 2027. Л. 30.

¹⁷ Там же. Д. 1627. Л. 42.

¹⁸ Там же. Д. 1626. Л. 44.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Там же. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 165. Л. 122–123.

²¹ Там же. Д. 148. Л. 11.

собора, быстро занявшего положение фактического духовного центра Казани. Следует, правда, оговориться, что передача прошла без того, чтобы определиться с дальнейшей участью планетария, прежде располагавшегося в этом здании, – его оборудование в результате осталось невостребованным²². В том же году по благословению епископа Анастасия в нижнем храме Петропавловского собора был открыт кряшенский приход, соединивший православную традицию с национально-культурным самоопределением кряшен. Если рост числа мусульманских общин отражал в первую очередь легализацию тех групп, что действовали нелегально и ранее, то сеть православных приходов расширялась за счет учреждения новых общин на территориях, где храмы не действовали десятилетиями. Похожая модель прослеживается и в соседней Марийской АССР. Как показал Е. Н. Ефремов, многолетние петиции верующих об открытии приходов получили положительный отклик со стороны власти лишь весной – летом 1988 г., в преддверии тысячелетия Крещения Руси [2].

Общины стали все чаще обращаться с ходатайствами о возведении новых культовых сооружений; такие заявки поступали из Казани, Зеленодольска, Набережных Челнов, Альметьевска²³. В 1989 г. казанским верующим были переданы Азимовская мечеть и Петропавловский собор. Одним из первых объектов, возвращенных верующим, стала старообрядческая моленная на ул. Островского, 81: в 1988 г. она перешла в распоряжение общины Белокрыницкого согласия (поповцев), хотя до революции это здание занимали старообрядцы-поморцы (беспоповцы); община беспоповцев такое решение оспаривать не стала²⁴. В дни Курбан-байрама в 1989 г. в 18 работавших мечетях республики собралось около 29 тыс. молящихся²⁵, – эта цифра уже сама по себе указывает на то, насколько ограниченная сеть легальных культовых зданий отставала от действительных размеров конфессиональной вовлеченности жителей.

Сопоставление документов двух ведомств обнаруживает устойчивое расхождение в том, как описывалась конфессиональная ситуация. Партийное делопроизводство (ГА РТ. Ф. П-15) и материалы органа административного надзора (ГА РТ. Ф. Р-873) имели дело с одними и теми же районами и с одним и тем же населением, но картины у них получались весьма разные. В 1986–1987 гг. районные партийные комитеты выстраивали свои отчеты в логике «ликвидации религиозных пережитков»: на первый план выдвигались количественные выкладки – число прочитанных лекций, состав пропагандистских кружков, широта охвата населения. Порой документы прямо утверждали, что религиозных проявлений нет, причем подобные заявления обычно касались тех районов, где ни одно религиозное общество не было зарегистрировано. В то же самое время квартальные сводки уполномоченно по тем же территориям и за те же отрезки времени рисовали устойчивую

²² ГА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 165. Л. 43–44.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 76.

обрядовую жизнь, деятельность незарегистрированных молитвенных групп и постоянный поток обращений от граждан²⁶. Едва ли это расхождение сводимо к намеренному искажению сведений. Скорее, оно было заложено в самом различии институциональных задач двух ведомств: райком отчитывался за эффективность идеологического воздействия, а аппарат уполномоченного вел учет и занимался наблюдением. Каждая структура воспроизводила свой собственный порядок документирования, и лишь при параллельном чтении обоих массивов становится различима та слепая зона, которая поодиночке не попадала в поле зрения ни одного из них. Обозначенная закономерность прослеживается в обеих крупных конфессиональных средах. В том, что касается мусульманского населения, партийные отчеты 1986–1987 гг. выдвигали на первый план успехи атеистической пропаганды среди татар, а делопроизводство уполномоченного за те же годы запечатлевало работу незарегистрированных молитвенных объединений и постоянные обращения по поводу ритуалов жизненного цикла. В отношении православной сферы несоответствие носило иной характер: партийные бумаги концентрировались на количественных показателях антирелигиозной работы и замалчивали институциональные изменения, происходившие в Казанско-Марийской епархии, тогда как уполномоченный одновременно отмечал увеличение числа обращений о передаче храмов, подготовку решений реституционного характера и реформу приходского управления, связанную с принятием нового Устава РПЦ 1988 г. В партийном языке попросту отсутствовали категории, посредством которых можно было бы зафиксировать то, что по существу являлось крахом атеистического проекта; надзорное же ведомство, со своей стороны, и не претендовало на идеологическую интерпретацию фиксируемых фактов. Ввиду этого истинный масштаб кризиса государственно-атеистической модели открывается только при совместном прочтении обоих документальных комплексов²⁷.

Одновременно трансформировался и социальный портрет верующих. Среди студенчества удельный вес тех, кто причислял себя к верующим, увеличился с 0,9 % в 1983 г. до 20 % к 1990 г. Опросы 1989–1990 гг. показали, что 34,1 % городских татар относили себя к верующим (еще 30,4 % – к колеблющимся); у сельских татар этот показатель составлял 43,4 % [5]. Территориальная неоднородность возрождения выражалась в том, что в сельской местности оно опиралось на обрядовую непрерывность, передававшуюся внутри семьи, на память о закрытых мечетях, на домашнюю молитву и паломничество. В городской среде религиозный подъем приобрел по преимуществу культурно-символическое содержание: обращение к вере превращалось в форму этнического самоопределения и в альтернативный источник ценностных ориентиров на фоне дискредитации официальной идеологии [4; 6]. У части опрошенных ислам связывался не только с сохранением национальной культуры, но и с представлениями о социальной справедливости.

²⁶ ГА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 148. Л. 15–17; Д. 165. Л. 34–36.

²⁷ Там же. Ф. П-15. Оп. 15. Д. 933. Л. 41–43; Там же. Ф. Р-873. Оп. 1. Д. 148. Л. 11–12.

На учредительном съезде Татарского общественного центра (февраль 1988 г.) среди делегатов оказалось около 30 служителей культа; участие духовенства в национально-политическом движении говорило о формировании коалиции, выходящей за рамки собственно религиозной среды. Существенно изменился и медийный фон: духовные лица получили возможность выступать в республиканской прессе, на радио и телевидении. Накануне выборов народных депутатов РСФСР и местных советов (март 1990 г.) многие избиратели рассчитывали на то, что религиозные организации включатся в общественно-политическую жизнь страны, и готовы были им доверять [1, с. 68].

Заключение

В период 1985–1987 гг. конфессиональная политика в Татарской АССР внешне сохраняла очертания позднесоветской атеистической модели; более того, пропагандистские структуры даже наращивали количественные показатели своей работы. Тем не менее параллельное обращение к партийной и надзорной документации обнаруживает зревший структурный кризис: повседневная религиозная практика населения разворачивалась вне поля институционального контроля, а инициированные самими же партийными органами социологические замеры показывали высокий уровень конфессиональной вовлеченности, охватывавший и членов КПСС.

Переломные сдвиги 1988–1989 гг. выглядят как итог совпадения нескольких факторов: общего кризиса советской идеологической системы, взяттого курса на гласность и, уже на региональном уровне, двух юбилейных событий – тысячелетия Крещения Руси (1988 г.) и 1100-летия принятия ислама Волжской Булгарией (1989 г.). Оба этих юбилея сработали как катализаторы институционального оживления соответствующих конфессий. Православное возрождение в республике, подстегнутое празднованиями тысячелетия Крещения Руси и принятием обновленного Устава РПЦ, происходило преимущественно за счет учреждения новых приходов и возвращения ранее изъятых культовых зданий. Мусульманское возрождение шло иным путем: увеличение числа общин означало в первую очередь выход в легальное поле тех групп, что существовали и раньше, но не имели официального статуса. Переход от ярлыка «наиболее коварной» к характеристике «наиболее прогрессирующей» религии хорошо передает масштаб происходивших перемен. Татарстанские материалы значимы не только для истории конфессиональной политики поздней советской эпохи, но и для понимания того, как в полиэтнических регионах идеологические сдвиги отражались в ведомственной практике и во взаимоотношениях государства с религиозными объединениями.

Специфика религиозного возрождения в Татарской АССР в значительной мере определялась тем, что у обеих ведущих конфессий религиозное самосознание и этническое самосознание были неотделимы друг от друга. У мусульманского населения эта связка проступала с особой силой: ислам воспринимался здесь как органическая часть татарской культуры, и именно такое восприятие позволило сложиться широкой коалиции, в которую вошли и верующие, и активисты национального движения, и часть партийно-хозяйственной верхушки.

Татарстанский материал позволяет скорректировать высказанный П. Фрёзе [11] тезис о «приватизации» религиозности в условиях секулярного давления: в регионах со сложной этноконфессиональной структурой «приватизированная» религиозность не утрачивала коллективной природы, а ее обратное движение в публичную сферу разворачивалось как совместное обращение к общей исторической и культурной памяти. Идеологическая монополия КПСС в регионах ослабевала неодинаково, ее конкретные формы определялись местным этноконфессиональным контекстом, и случай Татарстана показывает эту зависимость с особой отчетливостью.

Список литературы

1. Государственно-церковные отношения в России: опыт прошлого и современное состояние / отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, М. И. Одинцов, Н. А. Трофимчук. М. : Изд-во РАГС, 1996. 253 с.
2. Ефремов Е. Н. Государственная политика и возрождение Русской православной церкви в Марий Эл в период «перестройки» (1985–1991 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 91–101.
3. Ибрагимов Р. Р., Саматова Ч. Х. Религиозные объединения Татарской АССР в период политики перестройки // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41, № 2. С. 71–78.
4. Малащенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М. : Моск. центр Карнеги²⁸, 1998. 222 с.
5. Мусина Р. Н. Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Ислам в татарском мире: история и современность : материалы Междунар. симп. Казань, 1997. С. 217–225.
6. Набиев Р. А. Власть и религиозное возрождение. Казань : Казан. ун-т, 2014. 304 с.
7. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М. : Республика, 1995. 509 с.
8. Тулянов В. А. Начальный этап перестройки в сфере церковно-государственных отношений: Русская православная церковь и советское государство в 1985–1987 годах // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 59–67. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.006>. EDN: BCMUYS.
9. Тулянов В. А. Русская православная церковь и советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 113–125. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2024\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2024)1-08) EDN: UQJANS.
10. Anderson J. Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States, 1953–1993. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 256 p.
11. Froese P. The Plot to Kill God: Findings from the Soviet Experiment in Secularization. Berkeley : University of California Press, 2008. 264 p.
12. Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford : Oxford University Press, 2015. 288 p.
13. Ramet S. P. Religious Policy in the Soviet Union. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 361 p.
14. Smolkin V. A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism. Princeton : Princeton University Press, 2018. 328 p.

References

1. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii: opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie [State-Church Relations in Russia: Past Experience and Current State]. Ed. by F.G. Ovsienko, M.I. Odintsov, N.A. Trofimchuk. Moscow, RAGS Publ., 1996, 253 p. (in Russian)

²⁸ Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ.

2. Efremov E.N. Gosudarstvennaya politika i vrozozhdenie Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Marii El v period "perestroiki" (1985-1991 gg.) [The Government Policy and the Revival of the Russian Orthodox Church in Mari El during the Period of "Perestroika" (1985-1991)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravительстве Respubliki Mordoviya*, 2021, no. 3 (59), pp. 91-101. (in Russian)
3. Ibragimov R.R., Samatova Ch.Kh. Religioznye ob'edineniya Tatarskoi ASSR v period politiki perestroiki [Religious Associations of the Tatar ASSR during Perestroika]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*, 2021, vol. 41, no. 2, pp. 71-78. (in Russian)
4. Malashenko A.V. *Islamskoe vrozozhdenie v sovremennoi Rossii* [Islamic Revival in Modern Russia]. Moscow, Carnegie Moscow Center Publ., 1998, 222 p. (in Russian)
5. Musina R.N. Islam i musulmane v sovremennom Tatarstane [Islam and Muslims in Modern Tatarstan]. *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost*. Kazan, 1997, pp. 217-225. (in Russian)
6. Nabiev R.A. *Vlast' i religioznoe vrozozhdenie* [Power and Religious Revival]. Kazan, Kazan University Publ., 2014, 304 p. (in Russian)
7. Pospelovskii D.V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th Century]. Moscow, Respublika Publ., 1995, 509 p. (in Russian)
8. Tulyanov V.A. Nachalniy etap perestroiki v sfere tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii: Russkaya pravoslavnaya tserkov i sovetskoe gosudarstvo v 1985-1987 godakh [The Initial Stage of Perestroika in the Sphere of Church-State Relations: The Russian Orthodox Church and the Soviet State in 1985-1987]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, 2025, no. 1 (86), pp. 59-67. <https://doi.org/10.37724/RSU.2025.86.1.006> (in Russian)
9. Tulyanov V.A. Russkaya pravoslavnaya tserkov i sovetskoe gosudarstvo v god Tysyachel'etiya kreshcheniya Rusi: problemy vzaimootnoshenii [The Russian Orthodox Church and the Soviet State during the Year of the Millennium of the Baptism of Rus: Problems of Mutual Relations]. *Narody i religii Evrazii*, 2024, vol. 29, no. 1, pp. 113-125. [https://doi.org/10.14258/nreuer\(2024\)1-08](https://doi.org/10.14258/nreuer(2024)1-08) (in Russian)
10. Anderson J. *Religion, State and Politics in the Soviet Union and Successor States, 1953-1993*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, 256 p.
11. Froese P. *The Plot to Kill God: Findings from the Soviet Experiment in Secularization*. Berkeley, University of California Press, 2008, 264 p.
12. Luehrmann S. *Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge*. Oxford, Oxford University Press, 2015, 288 p.
13. Ramet S.P. *Religious Policy in the Soviet Union*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 361 p.
14. Smolkin V. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, Princeton University Press, 2018, 328 p.

Сведения об авторе

Козлов Владимир Петрович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра профессионального обучения,
педагогике и социологии
Казанский государственный архитектурно-
строительный университет
Российская Федерация, 420043,
г. Казань, ул. Зеленая, 1
e-mail: 2920576@mail.ru
ORCID 0009-0007-7970-6231

Information about the author

Kozlov Vladimir Petrovich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Professional Training,
Pedagogy and Sociology
Kazan State University of Architecture
and Civil Engineering
1, Zelyonaya st., Kazan, 420043,
Russian Federation
e-mail: 2920576@mail.ru
ORCID 0009-0007-7970-6231

Статья поступила в редакцию **27.03.2026**; одобрена после рецензирования **29.04.2026**; принята к публикации **19.06.2026**
The article was submitted **March, 27, 2026**; approved after reviewing **April, 29, 2026**; accepted for publication **June, 19, 2026**